

Добраться «до другого берега» — это здесь является целью для всех, путь ведет с запада на восток и точно так же в противоположном направлении. Ирония истории: в том же месте, где Ленин в апреле 1917 г. ступил на российско-финскую землю, чтобы проследовать дальше в Петроград и потрясти мир своей Революцией века, Эдгар Сиссон, следя из Петрограда со своими сенсационными документами, достигает «другой стороны» ровно год спустя, в апреле 1918 г., после авантюрного бегства через финское озерное плато. Наконец, вновь проведя комфортабельную ночь в «Городском отеле Хапаранда», он едет по той же железнодорожной ветке, по которой следовал из Стокгольма Ленин, в противоположном направлении, назад в европейскую «цивилизацию» и далее в Америку, чтобы, как он надеется, потрясти своими документами мир: что немцы полностью оплатили русскую революцию и эта революция была бы вообще немыслима и захлебнулась бы уже в зародыше без огромных миллионных сумм из германской военной кассы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГЕРМАНИИ

Не следует ли считать грозным предзнаменованием, что в первый день нового 1917 г. в Петрограде из ледяной Невы вылавливают труп Распутина? Одни видят большое благо в том, что ремеслу влиятельного шарлатана и советника царя, злого шептуна, банально-дьявольского фаворита царицы наконец-то и на все времена положен конец. Другие предвидят большое бедствие, которое обрушится на них со смертью религиозного фанатика. Двумя днями ранее князь Юсупов и депутат Думы Владимир Пуришкевич подняли руку на чудовище. Переполненные ненавистью убийцы хотят таким радикальным способом выразить свой протест против политики царя, хотят подать знак. И они не будут наказаны. Антимонархические настроения в Петрограде получают новый стимул, всеобщее недовольство нарастает.

1917 г. становится еще более кровавым годом мировой войны, чем три предыдущих. Голод, нужда, нищета и траур по бесчисленным погибшим на фронтах ширятся среди людей, осо-

бенно в России. Происходят события, которые глубоко потрясут мир и окажут непредвиденное воздействие на все столетие. Год 1917, как в зажигательном стекле, сконцентрирует в себе грядущее, стародавнее исчезнет в дыму и пламени, новое возникнет и опять растворится. Поднимутся пророки и фарисеи, народы будут их терпеть или уничтожать.

Но ни одна история не начинается со своего начала, гласит старая восточная пословица, корни дерева скрыты от глаза, но они уходят вглубь до водоносных жил.

Язык политических будней у людей первой четверти 1917 г. гораздо трезвей, прозаичней. Язык календаря дает простые представления о событиях, которые приносят затронутым людям что угодно, но только не радость.

В начале года военный календарь отмечает 10 основных стран, непосредственно ведущих войну совместно или друг против друга и объединившихся в два блока. На одной стороне – так называемые Центральные державы: Германская империя и Австро-Венгрия в Центральной Европе и обширная Османская империя (с основной территорией – Турцией), простирающаяся до Ближнего Востока, а также Болгария. На другой стороне группируется так называемая Антанта с обширной царской империей – Россией, Францией, Великобританией, Италией и Румынией. Япония еще воздерживается от крупных военных действий на основных театрах войны, но стоит на стороне Антанты, оккупирует германскую колонию Циндао в Азии. Союзниками Антанты являются Канада, Австралия, войска которых сражаются на стороне англичан, в войне участвуют и воинские части таких британских колоний, как Индия, а также стран Британской и Французской Африки. США в 1917 г. однозначно симпатизируют Антанте.

Война на Западноевропейском фронте превратилась из маневренной и наступательной в безжалостную позиционную и «завязла». В гигантских битвах с использованием тяжелой артиллерии позиции противника «разравнивают» настоящие «огненные катки». В разветвленных системах окопов, которые тянутся через обширные ландшафты с воронками от снарядов, истекают кровью миллионы людей. Кажется, что понятий «впе-

ред» и «назад» больше не существует. Каждая сторона стремится к новым успехам в боях, хочет выиграть пространство любой ценой. В новогоднем послании германский кайзер, выдавая себя за патриота, призывает лишь теперь по-настоящему начать войну до победного конца и «нести за правое дело любые жертвы и в дальнейшем». Правители других государств делают то же самое.

Тут 22 января 1917 г. мировая общественность узнает о большой мирной речи президента США Вудро Вильсона перед Конгрессом в Вашингтоне. Вильсон направляет призыв к миру воюющим странам и предлагает «мир без победы» — немедленное завершение ужасающего смертоубийства в Европе без «победителя». Он заявляет перед Сенатом: «Только спокойная Европа может быть прочной Европой. Необходимо не равновесие сил, а единение держав».

Именно это выступление мобилизует на обеих сторонах тех, кто еще не устал от войны, чтобы совершить прямо противоположное. Теперь и начнем по-настоящему — всюду звучит в правительствах и правящих домах лозунг года.

Германский кайзер и его Генеральный штаб сразу же отзываются на мирное требование Вильсона особенно провокационно — 1 февраля начинается неограниченная германская подводная война. С этого момента германским подводным лодкам разрешено без предварительного предупреждения торпедировать все торговые суда нейтральных стран, которые окажутся в морях, произвольно объявленных Германией «запретными зонами». Это самовластное решение должно особенно затронуть Северную Атлантику вокруг Англии, Северное море, Северный Ледовитый океан и Средиземное море. И оно автоматически затрагивает также все до сих пор нейтральные американские грузовые и пассажирские суда. — Президент США объявляет через два дня о разрыве дипломатических отношений с Германской империей. Война теперь расширится еще больше.

Посреди всех этих смертей вокруг поражает только одно сообщение из Берлина: Социал-демократическое рабочее сообщество (Sozialdemokratische Arbeitsgemeinschaft — SAG) тре-

бует в прусской Палате депутатов проголосовать за призыв к «забастовке рожениц», чтобы немецкие женщины впредь не производили на свет солдат — пушечное мясо!

В Германии по распоряжению имперского правительства все 5-пфенниговые медные монеты изымаются для изготовления гранат и патронов и заменяются алюминиевыми.

В берлинской Ратуше и в других сборных пунктах по всей кайзеровской империи громоздятся медные кастрюли, горшки и сковороды. Из-за дефицита дров и угля закрываются берлинские школы, разрешается и затем даже приказывается использовать кормовую свеклу для выпечки хлеба.

Германское Верховное командование беспокоится о том, что солдату «не становится легче умирать за Отечество, если он знает, что его близким дома приходится бороться с нуждой», и начинает широкомасштабную кампанию против «жалобных писем» с родины, чтобы боевая мораль фронтовых солдат не упала еще сильнее.

В то время как все это и многие другие мелкие будничные события складываются в большую безотрадную мозаику военной нужды и усталости от войны, 25 февраля 1917 г. в берлинском фешенебельном отеле «Адлон», где охотно останавливаются и Гельфанд, собираются около 40 господ из крупной индустрии с компетентными политиками для обсуждения и принятия решения об еще более жестких политических и военных действиях, чтобы, наконец, достичь «целей войны», сформулированных уже в ее начале германской индустрией. Для достижения аннексии индустриальных районов на Западе и Востоке господам, собравшимся в «Адлонском кругу», даже рейхсканцлер Бетман-Гольвег кажется слишком вялым, и они бы охотно заменили его начальником Полевого Генерального штаба фельдмаршалом фон Гинденбургом. После двух с половиной лет войны германская крупная индустрия все-таки уже испытывает нетерпение: когда же, наконец, она сможет заполучить свои военные трофеи? В руководстве Рейха нужен более бойкий человек, считают господа. Они, подобно кайзеру, тоже, разумеется, за «победоносный мир». Поэтому они направляют свои алчные взгляды на Восток: что будет с «их» Украиной, Дон-

бассом, Кавказом с огромными нефтяными полями вокруг Баку? Когда, наконец, рухнет Российская империя?

В Петрограде всеобщие волнения с требованием о завершении войны на германо-российском фронте все нарастают. Непрерывно возникают новые забастовки. Во всем Петроградском военном округе военное руководство получает далеко идущие чрезвычайные полномочия для более решительной борьбы с этим забастовочным движением. Но ничто не помогает против всеобщего негодования населения. Забастовочное движение расширяется до всеобщей забастовки.

События, названные позднее «Февральской революцией», начинаются с того, что верные царю воинские части 10 марта по настоятельному указанию царя Николая II открывают огонь по демонстрантам. Убитые гражданские люди лежат на улицах города.

На следующий день депутаты Думы отказываются следовать распоряжению царя о роспуске парламента. В тот же день бунтуют и солдаты Петроградского гарнизона, во многих местах примыкая к бастующим рабочим. Дума образует исполнительный комитет, к которому принадлежат члены всех крупных партий, включая и социалистов большинства – большевиков.

Теперь события развиваются быстро. 15 марта 1917 г. Временный комитет Государственной думы объявляет о создании Временного правительства во главе с князем Львовым, министром юстиции в новом правительстве становится Александр Федорович Керенский. В тот же день царя принуждают подписать документ об отречении от престола. Тем самым завершается власть династии Романовых, правившей с 1613 г. Через шесть дней новое правительство велит арестовать бывшего царя с царицей, цесаревичем Алексеем и четырьмя дочерьми, и интернировать их близ Петрограда, в Царское Село. Три столетия единоличного правления одной семьи, прологом которого стала свадьба царя Ивана IV Грозного и Анастасии Романовой, завершены. Что будет дальше с Россией, спрашивают себя все в полной неопределенности. Огромная империя без сильной руки – «без кнута»? Бунты в скверно обеспеченной и плохо вооруженной российской армии расширяются.

Образованный в бурные дни февраля объединенный Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда объявляет 14 марта «Приказ № 1» войскам военного округа российской столицы, давая хотя бы минимальное представление о новой субординации, чтобы солдаты и матросы знали, за кем теперь слово.

Вот и настает час, когда большевикам необходимо активизироваться, если они хотят завоевать себе большинство в парламенте, солдатских Советах и среди населения. Теперь партии нужен революционный вождь на месте, где происходят социальные перемены. Теперь нужно вернуть из изгнания и эмиграции одного из наиболее авторитетных радикальных политиков. Одним из самых способных и в то же время радикальных является Ленин в Швейцарии.

Это – час решительных действий и для руководства Германского рейха, для Генерального штаба, для Министерства иностранных дел.

Начинается «разгар сезона» для господ послов в Швейцарии, месте эмиграции Ленина, в Дании и Швеции, нейтральных северных странах, через территорию которых российский революционер с его обозом должен быть доставлен в Петроград. Господам фон Ромбергу, фон Брокдорф-Ранцау и фон Штедтену с их высокооплачиваемыми доверенными лицами и по их тайным каналам необходимо теперь максимально быстро обеспечить проезд Ленина в Петроград.

Общее поручение и разрешение должны быть даны, разумеется, лично Его Величеством кайзером. И он их дает. Правда, монархическая власть великого императора к этому моменту заметно пошатнулась, а Генеральный штаб и Министерство иностранных дел все уверенней реализуют свои идеи, но эти центры власти, тем временем все больше выходящие на передний план, все еще ожидают, хотя бы проформы ради, кайзераевского решения. Затем они берут соответствующую операцию в свои руки «для дачи указаний» и реализуют ее штабными методами.

О 3000-километровой поездке Ленина из Цюриха в Петроград – через «вражескую» Германию, в экстерриториальном железнодорожном вагоне, с германским офицерским эскортом

для охраны и недопущения любых любопытных — написано, напечатано и рассказано так невероятно много и столь разное, что стоит указать лишь на некоторые интересные, чаще всего не упоминавшиеся эпизоды.

Троцкий сообщает в своих мемуарах, что Ленин, «изыскивая пути выхода» в цюрихской клетке, расхаживает как тигр — неутомимо и напряженно.

Гельфанд описывает ситуацию аналогичным образом: Ленин, «почти полностью отрезанный от России, изолированный как в закрытой бутылке», ожидает, что, наконец, сможет выбраться и отправиться в Россию. Кто выпустит из бутылки беспокойного, крайне взрывного джинна?

Гельфанд, Ганецкий, Скларц — эксперты из копенгагенской «Экспортной и импортной компании» — начинают действовать. Ленин не знает, как в точности планируется его поездка в Россию в германском Генеральном штабе. Он лишь предполагает, что сможет ступить на родную российскую землю каким-либо образом через нейтральную Швецию. Поэтому он срочно пишет человеку, которому доверяет, — Ганецкому: «Необходимо во что бы то ни стало немедленно выбраться в Россию, и единственный план — следующий: найдите шведа, похожего на меня. Но я не знаю шведского языка, поэтому швед должен быть глухонемым. Посылаю вам на всякий случай мою фотографию».

Что бы ни замышлял Ленин, Ганецкий усиленно стремится найти глухонемого шведа, похожего на вождя революции. Дело это непростое. На всякий случай Ганецкий через свои связи для начала высыпает Ленину 500 рублей — своего рода «проездные». Ленин, хотя он беспокойно и с нетерпением жаждет наконец-то покинуть свое «место ссылки», очень тревожится. Своей подруге Инессе Арманд, которой он незадолго до начала войны писал, столь обнадеженный, в Париж, что будущая война радикализует массы и повлечет их к революции, он теперь сообщает очень подавленно: «В Россию мы, по всей видимости, не попадем!! Англия нас не пропустит. Через Германию дело не пойдет».

Но тут неутомимый революционер и большой мыслитель заблуждается, т. к. он еще не знает, как сосредоточенно герман-

ские «стратеги апельсиновой корки» уже озабочены его возвращением в Россию.

Упадническое настроение Ленина продолжается недолго. В своих «Письмах издалека» он вскоре сообщает товарищам в Петрограде в страстном ожидании победы: «Мы должны ехать, даже если это будет путь через ад».

То, что начинается теперь, в начале апреля, не становится путем через ад. Все наилучшим образом организовано. Швейцарские ведомства надежно и доверительно взаимодействуют с германскими инстанциями. Возможно, они вполне довольны, что эта большая группа явно влиятельных эмигрантов теперь покидает страну.

Для пассажиров резервируются два вагона 3-го класса. Конечно, все же просачивается, и когда Ленин и 31 сопровождающее его лицо 9 апреля в 14.30 заходят в здание цюрихского вокзала, здесь уже стоит наготове пара враждебно настроенных российских земляков, чтобы поносить «изменников».

Ситуация несколько конфузна, и ленинский соратник-интеллектуал, высокоодаренный публицист Карл Радек, который принесет большую пользу в будущем стокгольмском «большевистском центре» зарубежной пропаганды, в частности при отрицании перевода денег из Германии, выдает неожиданно пророческую остроту: «Либо мы через 6 месяцев будем министрами, либо нас повесят!»

Долгий путь от Боденского озера на юге Германии до балтийского побережья на севере, на всем протяжении проходящий через «вражескую территорию Германии», протекает без заметных инцидентов. С германской границы в Готтмадингене команду над транзитной поездкой принимает отделение IIIb Генерального штаба, выделившее двух офицеров, которые ведут себя очень корректно и сдержанно. Для скорого поезда, следующего по расписанию на Штутгарт, выделен дополнительный вагон со сквозным проходом. Этот знаменитый экстерриториальный «пломбированный вагон» вновь и вновь будет возникать в бесчисленных историях.

Транзит через Германию должен осуществиться без шума и трений. Отделение IIIb организует совместно с компетентны-

ми службами железной дороги, чтобы этот «важный транспорт дипломатов», как говорится в инструкциях, всюду имел преимущественный проезд. Не должно быть, по возможности, никаких задержек, и никто снаружи не должен быть в состоянии вступить в контакт с этой компанией, путешествующей инкогнито. Все должно остаться настолько секретно, насколько это возможно. Во время транзитного проезда шторки на окнах в купе должны быть задернуты. Этого хочет и Ленин.

Курьезно, но даже германскому кронпринцу с его спецпоездом пришлось ожидать в Галле-на-Заале почти два часа, пока не проследует поезд Ленина. Тот имеет преимущественный проезд по высочайшему приказу. Лишь тогда путь для кронпринца вновь освобождается.

Ленин доволен, когда 12 апреля в шведской паромной гавани Треллеборг он со своими людьми вновь ступает на нейтральную землю. Здесь его приветствует и его старый соратник Яков Ганецкий-Фюрстенберг. — Без глухонемых шведов. Генштабисты из Берлина, германский посол, а также Гельфанд со своими беседами за политическими кулисами привели к тому, что шведы дали официальное разрешение на проезд. Фарс с глухонемым оказался излишним.

Ганецкий сопровождает группу прибывших по железной дороге до Стокгольма, где они останавливаются в отеле «Регина». Ленин обрадован, что бургомистр шведской столицы Карл Линдхаген официально и сердечно приветствует его и сопровождающих лиц. Линдхаген принадлежит к левому крылу Социалистической партии Швеции, как и Фредерик Стрем, который также не отказывает себе в том, чтобы прибыть с приветствием. Линдхаген предпосыпает своему приветствию лестный девиз «Ex oriente lux» (С Востока свет). На следующее утро появляется фотография Ленина, впоследствии обошедшая весь мир. Она показывает будущего вождя революции с зонтиком, торопливо идущим по стокгольмским улицам в сопровождении своих людей. Стрем позднее вспоминает, что Ленин в своем поношенном костюме выглядел «как рабочий на воскресной прогулке в пасмурную погоду». Ленину навязывают новые брюки. Он лишь неохотно принимает этот предмет одежды.

Один вопрос, во всяком случае, сердит Ленина в Стокгольме: Ганецкий вынужден высказать Ленину настоятельную просьбу Гельфанду, что главный добытчик денег хотел бы неизменно переговорить с ним. Ленин отказывается резко и решительно. Разумеется, он узнал от Ганецкого, что Гельфанд принимал существенное участие в подготовке всей поездки и что Гельфанд в своей беседе в Министерстве иностранных дел в Берлине, так сказать, «расставил вехи» и взял на себя финансирование операции, т. к. Ленин настаивал на том, что «поездка ни в коем случае немцами финансироваться» не должна. Это могло бы скомпрометировать его, революционера, в международном масштабе. Немцы, со своей стороны, тоже не желают платить. По тем же причинам. Они не хотят, чтобы перед мировой общественностью дело выглядело так, будто они купили «русского изменника». Поэтому они считают идеальным выходом, что затраты для начала принимает на себя испытанный оптовый торговец Гельфанд. Что произойдет позднее, будет видно. Так получает распространение изречение о поездке: Гельфанд платит, а Радек покупает билеты.

Хотя Ленин точнейшим образом информирован Ганецким и о том, как велики заслуги Гельфанды при организации и эффективной реализации всех акций, связанных с добычей денег для партии, для всей организации, он ни за что не желает встречаться с Гельфандом. Позднее он даже скажет, что для партии вредно вступать в связи с такими людьми. Ленин остается при своем: его связником в Стокгольме и Копенгагене является Ганецкий. А тот, естественно, должен и в дальнейшем поддерживать связь с Гельфандом. Ведь деньги именно теперь по-настоящему и понадобятся.

Уже вечером 13 апреля компания по железной дороге отправляется в 1000-километровый путь до пограничного пункта Хапаранда. Карлу Радеку приходится остаться в Стокгольме: Ленин хочет использовать этого способного продувного человека в качестве надежного соратника в Швеции для целей зарубежной пропаганды, которая теперь должна усиленно агитировать за дело революции. Особенно в странах Антанты, Франции и Англии, и в США, которые всего неделю назад,

6 апреля, официально объявили войну Германской империи. О сепаратном мире на Восточном фронте эти противники немцев, разумеется, не желают знать — напротив, они вместе с остальными своими союзниками хотят победить Германию раз и навсегда.

Ленин хочет оставить в Стокгольме интеллектуала Карла Собельсона, взявшего себе псевдоним Радек по персонажу одного польского романа, и по другой причине. Он опасается, что Радек, уроженец Галиции, возможно, привлечет к себе особое внимание российских инстанций и, будучи формально гражданином Австро-Венгрии, т. е. одной из «враждебных» центральных держав, может подвергнуться политическим придиркам и даже интернированию. Во всяком случае, Ленину кажется более умным не брать с собой своего первоклассного сотрудника через шведско-российскую границу.

В то время как Ленин и сопровождающие его революционеры покинули Стокгольм и, наконец, спешно направляются в центр революции — Петроград, там начинает действовать майор Интеллиджанс Сервис при британском посольстве Стефан Элли. Он неистовствует, т. к. трем послам стран Антанты в Стокгольме, недавно собравшимся на спешно организованную тайную встречу, не удалось побудить шведское правительство отказать Ленину и его людям во въезде в Швецию или в проезде через ее территорию. Теперь майор секретной службы на свой страх и риск продолжает работу и встречается с главой контрразведки Временного правительства в Петрограде. Он пытается побудить своего собеседника, российского полковника секретных служб Бориса Никитина, приказать российскому пограничному коменданту в Торнио не пропускать Ленина через границу.

Но российский полковник секретных служб оказывается довольно беспомощным: царская система секретных служб, страшная Охранка, распущена новым Временным правительством, и новую организацию еще только предстоит создать. Полковник Никитин вынужден работать с очень неопытными людьми и из Петрограда ничего не может организовать в Торнио-Хапаранде. Разочарованный и взбешенный британский

офицер секретных служб упрекает российского полковника, что «с группой Ленина в Россию среди бела дня въезжает целая банда немецких шпионов».

Тогда Никитин пытается, со своей стороны, обратиться по этому вопросу к генералу Корнилову, т. е. в высшую военно-правительственную инстанцию. Но тут возражает соправитель — Исполнительный комитет Петроградского совета, препятствуя официальному правительльному запрету на въезд Ленина. Столь точно спланированная германской стороной акция «Поездка в Россию» все же едва не провалилась в последний момент.

В ту же субботу, 14 апреля 1917 г., когда Ленин и его товарищи въезжают в Россию, чтобы тотчас проследовать дальше до Петрограда, правительство США в Вашингтоне образует на заседании в конце недели «Комитет по общественной информации» (Committee on Public Information), первое правительственное информационное и пропагандистское ведомство для популяризации и истолкования политики США. Там шеф нового ведомства Джордж Крель, близкий друг президента Вильсона, им и предложенный для этой должности, планирует задействовать удачливого и честолюбивого публициста Эдгара Сиссона на щекотливой, но первостепенной зарубежной должности в Петрограде. С данного момента этот человек будет неразрывно связан с «германо-большевистским заговором».

Почему поднято так много шума вокруг поездки в Россию Ульянова-Ленина, до сих пор еще относительно неизвестного в международном масштабе теоретика революции?

История поездки Ленина тоже имеет свою предысторию. Ее корни уходят, с одной стороны, в «стратегию апельсиновой корки» немцев. Она имеет корни в германских программах революционизации и инсургенизации. А те, в свою очередь, укладываются в совсем большое всеохватывающее переплетение политики военных целей крупных германских промышленников, банкиров, аграриев. И, естественно, ведущих военных в Генеральном штабе. В одном вопросе еще до начала войны, несмотря на острую конкуренцию концернов, все полностью едины: грядущая война должна принести трофеи.

Чтобы получить эти трофеи, необходимо захватить и оккупировать вражеские территории. Чтобы захватить их военным путем, эти страны должны до этого прекратить всякое военное сопротивление, и это происходит тем быстрее, чем дольше они размягчаются «изнутри». Чтобы размягчить Россию, немцы разработали свой антициаристский план революционизации, программу инсургенизации.

Согласно всем проверкам и исследованиям со стороны немцев, самой радикальной из антициаристских группировок представляется группировка вокруг Ленина. Ее поддержка сулит наибольший успех при осуществлении программы революционизации. В этом и состоит причина, почему именно большевики вокруг Ленина поддерживаются любым путем, в т. ч. и большими деньгами. Самым радикальным и именно потому важнейшим и полезнейшим для германских стратегов, по мнению Министерства иностранных дел, Генерального штаба, его секретной службы III и руководства Рейха, является Ленин.

На «краткое мгновение» складываются воедино исторически идентичные интересы двух совершенно противоположных политических сил: обе по абсолютно разным причинам в равной мере заинтересованы в свержении царского режима.

Царь, правда, вынужден был отречься еще в ходе Февральской революции, но Временное правительство в Петрограде идет к тому, чтобы вновь консолидировать положение в стране. Оно твердо решило продолжать войну с Германией, и можно предположить, что через некоторое время ему это будет удаваться все лучше. Тем самым ставятся под угрозу германские цели войны, и немцам давно пора, наконец, вытащить карту «Ленин». Лишь находясь на месте, он и его люди могут взять власть, завершить войну с немцами так быстро, насколько возможно, и заключить сепаратный мир.

Германский кайзер и его стратеги, разумеется, меньше всего являются друзьями мира, а тем более друзьями российского революционера Ульянова-Ленина. Им нужен только «отдельный мир» на Востоке, чтобы напрячь все силы для своего «победного мира» на Западе. Революция на Востоке служит лишь стратегическим средством для большого выигрыша на Западе,

к которому немцы после трех изматывающих лет войны все еще не приблизились. — А на Западном фронте дело плохо, хуже, чем когда-либо, и никто больше не знает, можно ли вообще чего-то достичь военными средствами.

С этой точки зрения, план поездки российских революционеров в 1917 г. непосредственно связан с большой официальной программой военных целей германского канцлера Бетман-Гольвега от 9 сентября 1914 г. — любимой программой германского кайзера.

И всемогущий в 1917 г. первый генерал-квартирмейстер и, собственно, главный стратег, «серый кардинал» германского Генерального штаба генерал Эрих Людендорф в ответ на телефонный запрос дает свое согласие на политический транзит российских революционеров через Германию. Позднее, в своих мемуарах, он почти весело выдаст, что, по крайней мере, он к этому моменту толком и не знал, кто, собственно, такой этот Ульянов-Ленин. В отношении избранных лиц он ведь мог целиком и полностью положиться на свое дельное отделение Шв в Генеральном штабе, чиновники которого подали предложение о Ленине.

Трюк, кажется, хорошо подготовлен в компетентных инстанциях Министерства иностранных дел и его зарубежных представительствах, дела идут по плану. Уже 17 апреля, через день после прибытия Ленина в Петроград, в сообщении Генерального штаба армии, переданном Верховному командованию сухопутных войск, говорится: «Въезд Ленина в Россию удался. Он действует как нельзя лучше».

Ленин проявляет себя для немцев как «правильный выбор». Как своего рода подтверждение выбора они видят уже 31 декабря 1917 г., всего через два месяца после Октябрьской революции и захвата власти большевиками, что Ленин официально предоставляет первой «апельсиновой корке» — Финляндии — национальную самостоятельность.

Это, однако, ни в коей мере не следует воспринимать как благодарность революционеров за уже полученные миллионы и как уступку немцам в расчете на дальнейшие денежные суммы. Правда, Ленин, хитрый революционер, прошедший сквозь

огонь и воду, принимает германские деньги, но он, уже находясь у власти, естественно, будет проводить свою собственную политику.

Поэтому отказ от Финляндии означает скорее проявление новой политики по восстановлению национального суверенитета отдельных народов. Этот первый внешнеполитический шаг выражает основной принцип будущей национальной политики большевиков: они хотят возвратить народам и национальным меньшинствам многонациональной России, угнетавшимся великокорусской империалистической политикой экспансии, их национальную самостоятельность, чтобы одновременно предложить им свободное присоединение или же вступление на добровольной основе в более крупный союз народов, который предстоит создать позднее.

После смерти Ленина и в последующие годы Stalin отбрасывает именно эту концепцию. Он превращает прежнюю царскую «тюрьму народов» в единый гигантский ГУЛАГ, в котором перемещаются туда-сюда, частично или полностью уничтожаются целые группы народов. Так прямая противоположность союзной политики, первоначально задуманной на основе добровольности, превращается в ее ужасное извращение.

Если Ленин в самом конце своей жизни еще указывает на то, что в отношениях с исламскими и тюркскими народами на юге необходимо действовать особенно заботливо и терпеливо и уважать их религию и традиции, то Stalin именно с этими народами обращается особенно жестоко.

С германской стороны «апельсиновая корка» Финляндия продолжает «инсургироваться» и – естественно, по совсем иным мотивам, чем у Ленина, – подготавливаться к ее «очищению» с ядра российской территории. Опять при помощи миллионов, которые текут для подкупа таких высокопоставленных финских политиков, как статский советник Хельдт, или для подготовки таких воинских частей, как финский «егерский батальон», в секретном лагере Локштедт в Шлезвиг-Гольштейне.

В 1918 г., хотя и с колебаниями, германские войска направляются даже на финское побережье. Но тут уже речь идет о под-

держке «белых», национальных и националистических сил Финляндии, против финской революционной Красной Гвардии, которая, со своей стороны, поддерживается Петроградом. Практически немцы иногда платят вдвое: финским «белым» против «красных», со своей стороны, поддерживаемых из большой кассы в Петрограде, куда продолжают течь в больших количествах германские деньги.

«Революционизация» и «инсургенизация» все в большей мере переплетаются друг с другом в этом политическом покере от Полярного круга до далекого Юга, до персидских пограничных пустынь.

Как и в Финляндии, инсургенизация идет «в центре», на Украине. Немцы создают добровольные украинские воинские подразделения, состоящие из российских военнопленных, части инфильтрации и пропаганды, которые должны разложить российскую армию. Инсургенизация идет и на юге, в Грузии, на Кавказе.

Конечно, нигде нельзя точно предсказать, какое участие, какая помощь действительно оправдают себя. Всюду в равной мере манят выгоды и подстерегают потери. Германская политика в отношении России становится азартной игрой, в полном смысле слова русской рулеткой.

Об этой неопределенности можно прочесть не только в многочисленных документах Министерства иностранных дел или Генерального штаба – Дойче Банк в 1995 г. тоже деликатно напоминает об этом обстоятельстве в одном юбилейном издании: «Дойче Банк принимал существенное участие в тех восточноевропейских усилиях Германии, которые были нацелены на распад Российской империи, он был в значительной мере представлен в промышленных и банковских консорциумах, которые создавались, чтобы реализовать жесткие экономические пункты Брест-Литовского мирного договора и экономически проникнуть в государства-наследники царской империи. Например, во вновь созданной Грузинской республике банк участвовал не только в планах по финансированию эксплуатации марганцевых месторождений и других местных полезных ископаемых, но и в создании Государственного банка, который

должен был выпускать новую национальную валюту под названием «маркши», основанную на марке».

Иногда соотношение между отдельным миром, сепаратным миром, победным миром, политикой военных целей, политикой в отношении периферийных государств, стратегией инсургенизации и отделения, программой революционизации кажется запутанным. Но чиновники в Берлине — в Министерстве иностранных дел, в руководстве Рейха и Генеральном штабе — обозревают картину и твердо держат политические нити в руках. Их высшая цель — создать в России хаос, чтобы прийти к революции и затем к отдельному миру.

Фон Брокдорф-Ранцау рекомендует в одном предложении руководству Рейха «создать в России максимально возможный хаос» и особенно содействовать экстремистским элементам, «поскольку при этом выполняется основательная работа и достигается быстрый результат».

И на другой стороне, у держав Антанты, после Февральской революции и свержения царя возникают соображения о быстрой отправке назад на родину их «собственных» русских эмигрантов — в сущности, то же самое, что немцы делают со «своим» Лениным. Державы Антанты доставляют на место броненосцем «меньшевистского» революционного теоретика Плеханова и 40 его сторонников.

В это исторически столь краткое время идеи и события противоречат друг другу точно так же, как в краткосрочной перспективе дополняют друг друга или выглядят идентичными оппортунистические цели и методы, тактика и стратегия. Троцкий наглядно подытоживает это в своих мемуарах: Ленин пользуется кайзером, чтобы осуществить свою революцию в России, в качестве предпосылки для его мечты о мировой революции, а кайзер и Людендорф предоставляют ему эту возможность.

Даже при политической победе Ленина над российским режимом, желанной и для них, германские стратеги, естественно, пребывают в твердом убеждении, что большевики долго не продержатся. Когда-нибудь настанет великий час германской политики военных целей, считают они, — тогда будет достиг-

нута окончательная победа, создан новый порядок и получены крупные военные трофеи.

С одной стороны, германские стратеги, конечно, осознают необходимость и срочность скорейшей «доставки» в Россию «главного революционера» Ленина, но они в то же время понимают и двойственный политический характер секретной акции. Людендорф признает в своих мемуарах: «Отправив Ленина в Россию, наше правительство приняло на себя и особую ответственность. В военном отношении поездка была оправданной, Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить за тем, чтобы не пали и мы».

С этой точки зрения, Ленин стал фигурантом мировой истории в известном смысле и в результате германской имперской политики.

ПРИЗНАНИЕ «ДЕНЕЖНОЙ ЖЕНЩИНЫ»

На полпути между Зимним дворцом, бывшей резиденцией российских императоров, и Смольным — Институтом благородных девиц — в петербургском Басковом переулке стоит малоприметный угловой дом.

Зимний дворец, большое здание XVIII в. в стиле барокко, становится всемирно знаменитым, когда вооруженные революционеры в ночь с 25 на 26 октября 1917 г. (по григорианскому календарю — в ночь с 7 на 8 ноября) штурмуют здание. В нем заседает Временное правительство. Его министров без борьбы арестовывают. Это бескровное занятие дворца в последующие десятилетия будет называться «Октябрьской революцией», а позднее, после того как Сталин даст событию новую историческую оценку, год от года торжественно будет отмечаться как «Великая Октябрьская социалистическая революция». Штурм бывшей царской резиденции считается событием, изменившим мир, — и таковым он и был.

Смольный институт, построенный в начале XIX в. в стиле классицизма на территории бывшего «Смоляного двора» российского деревянного флота, также становится всемирно знаменитым. Здесь революционеры с первого дня революции уст-